Какие в итоге можно сделать выводы?

Во-первых. Иркутск никогда не имел печати с изображением орла. С самого начала орел с соболем в когтях был на острожной (административной) печати Якутска, а просто орел, затем он же с луком и с 1790 года опять без лука — на Нерчинской печати. И никогда Ленская таможенная печать с барсом и соболем не передавалась Иркутску.

В то же время версия о том, что благодаря воеводе Ивану Власову Селенгинская печать с бабром и соболем была приписана к Иркутску, когда он получил большее развитие, чем Селенгинск, вполне реальна и пока не имеет аргументированных возражений. Гравер, изготавливающий селенгинскую печать, чтобы не путать с очень похожей по сюжету таможенной ленской печатью, надписал над зверем «бабр», совершенно не представляя, кто это.

Никаких печатей и тем более гербов в 1690 году Иркутск ни от кого не получал. Оттиски иркутской печати начинают впервые появляться с осени 1696 года.

Во-вторых. Путаница с основным зверем на гербе была внесена самим Сибирским Приказом, когда город получил печать с надписью «бабр» над изображением животного, но с обезличенным рисунком в виде «зооморфного ребуса». Можно точно утверждать, исходя из рисунка иркутской печати в «Окладной книге Сибири 1697 года», что Сибирским Приказом в указанном году подразумевался тигр, однако печать делалась годом раньше, и гравер, изготавливающий иркутскую печать в 1696 году, просто повторил рисунок селенгинской печати, лишь поменяв ее принадлежность в тексте по окружности на иркутскую.

В-третьих. В 1724 году Иркутску предоставляется Большая городская печать с лучшим качеством гравировки сюжета, однако главный зверь все так же однозначно не был определен. Это продолжало рождать в умах иркутян множество фантазий и легенд, в том числе и о смелом барсе или благородном ирбисе. Одна из этих легенд документально подтверждена в *«Описании Иркутского наместничества 1791 года»* и повторена в книге А. Мартоса в 1828 году.

Редкие встречи людей с большими кошками в сибирской тайге передавались из уст в уста, от поколения к поколению, обрастая множеством фантазий и преувеличений. И в XX веке, и в наше время зверь по имени Бабр представлялся и представляется в сознании многих жителей Иркутска, независимо от их образования и положения, собирательным героем, зверем-легендой, тотемным зверем.

В-четвертых. Бобр (по рисунку — речной) впервые появляется на Иркутском полковом гербе в августе 1764 года. Перед утверждением городского герба с бабром в 1790 году создаются проекты гербов с речным бобром и набор гербов с ирбисом. С самого начала XIX века и до официального утверждения в 1878 году в изобилии публикуются статистические и географические справочники и карты, где в иркутском гербе находится бобр. В 1846 году уже морской бобр утверждается в губернской части гербов Селенгинска и Троицкосавска. Начиная примерно с 30-х годов XIX века выпускаются пуговицы на форму чиновников с бобром. Появляются служебные городовые печати с этим же животным. В 1841 году Иркутская губернская канцелярия присылает в Герольдию описание герба, где главного зверя называет бобром. Бобр публикуется на обложке *«Памятной книги Иркутской губернии 1870 года»* и в заголовке губернской газеты и на знаках городской Управы Иркутска в 1872 году. Все это являлось серьезной заявкой от иркутян на его официальное утверждение как гербового зверя.

В-пятых. И тигр, и ирбис, и бобр (речной и морской), каждый по своим мотивам, исторически объективно имели право быть на гербе Иркутска. Но сложилось так, как сложилось.